

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)46

УДК 94(47).065=161.1(045)'+'(4-015)

Анисимов М.Ю. Русские осады Семилетней войны 1756-1763 гг.

Аннотация: Статья посвящена осадам русской армии в Семилетнюю войну прусских крепостей Мемеля, Кюстрина и Кольберга с привлечением не только военных рапортов, но и дипломатических документов и недавно опубликованных мемуаров очевидцев. Рассмотрено влияние русских осад на общий ход военных кампаний и итоговые результаты войны.

Ключевые слова: XVIII в., Семилетняя война, осада, русская армия, Мемель, Кюстрин, Кольберг.

Автор: Анисимов Максим Юрьевич, Россия, г. Москва. Старший научный сотрудник Института российской истории РАН. В 1997 г. окончил исторический факультет Тверского государственного университета. В 2006 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме "Россия в системе международных отношений в 1749-1756 гг."

Область научных интересов: внешняя политика Елизаветы Петровны, Семилетняя война.
anisimovm@list.ru

Литература, использованная в статье:

Ласковский Ф.Ф. [Материалы для истории инженерного искусства в России](#). — СПб., 1865. — Ч. 3.

[Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг.](#) / Под ред. Н.М. Коробкова. — М., 1948.

Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. — М., 1886. — Т. 1.

Prittwitz C.W. von. «Ich bin ein Preuße...». Jugend und Kriegsleben eines preußischen Offiziers im Siebenjährigen Krieg. — Paderborn, 1989.

Записки М.А. Муравьева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. — 1994. — Т. V.

[К истории Семилетней войны. Записки пастора Теге](#) // Русский Архив. — 1864. — № 11-12.

Отрывки из записок князя Юрия Владимировича Долгорукова // Сказания о роде князей Долгоруковых. — СПб., 1840.

Ко 2-й Кольбергской экспедиции. Документы расследования 1763 г. // Русская Старина. — 1908. — Т. 133., — Т. 134.

Биография А.В. Суворова, им самим написанная // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. — 1848. — № 9.

Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen. В.21. — Berlin, 1894.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2016/04/08/anisimov>

Ссылка для печатных изданий:

Анисимов М.Ю. Русские осады Семилетней войны 1756-1763 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 107-133. <<http://www.milhist.info/2016/04/08/anisimov>> (08.04.2016).

Anisimov M. Several Russian sieges during the Seven Years' War (1756-63)

Summary: The article sheds light on several sieges, such as Memel, Küstrin and Kolberg, which took place during the Seven Years' War. The author analyzes variety of primary sources, such as dispatches from the theater of operation, diplomatic correspondence and just recently discovered eyewitness' accounts. At the end, the article discusses importance of the Russian siege art upon the general outcome of war.

Keywords: XVIII century, Seven Years' War, siege, Russian army, Memel, Küstrin and Kolberg

Author: In 2006, Maxim Anisimov defended his thesis on Russia's diplomatic relations, 1749-56, and is currently working as a fellow scholar at the Russian Academy of Science, Moscow. Dr. Anisimov researches the Russian foreign policy under Empress Elisaveta I (1741-62) and participation of Russia in the Seven Years' War. anisimovm@list.ru

References:

Laskovskij F.F. [Materialy dlja istorii inzhenerenogo iskusstva v Rossii](#) [Information for the history of engineering in Russia]. — SPb., 1865. — Ch. 3.

[Semiletnjaja vojna. Materialy o dejstvijah russkoj armii i flota v 1756-1762 gg.](#) [About actions of the Russian army and Navy in 1756-1762.] / Pod red. N.M. Korobkova. — M., 1948.

Maslovskij D.F. Russkaja armija v Semiletnjuju vojnu [The Russian army in the Seven years ' war]. — M., 1886. — T.1.

Prittwitz C.W. von. «Ich bin ein Preuße...». Jugend und Kriegsleben eines preußischen Offiziers im Siebenjährigen Krieg. — Paderborn, 1989.

Zapiski M.A. Murav'eva [Notes M.A. Muravyov] // Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII-XX vv. — 1994. — T. V.

[K istorii Semiletnej vojny. Zapiski pastora Tege](#) [The history of the Seven years ' war. Notes pastor Tag] // Russkij Arhiv. — 1864. — № 11-12.

Otryvki iz zapisok knjazja Jurija Vladimirovicha Dolgorukova [Excerpts from the notes of Prince Yuri Dolgorukov] // Skazanija o rode knjazej Dolgorukovyh. — SPb., 1840.

Ko 2-j Kol'bergskoj jekspedicii. Dokumenty rassledovanija 1763 g. [The 2-nd Kullberg expedition. The documents of the investigation, 1763] // Russkaja Starina. — 1908. — T. 133., — T. 134.

Biografija A.V. Suvorova, im samim napisannaja [Biography of Alexander Suvorov, written by himself] // Chtenija v Imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskih. — 1848. — № 9.

Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen. B.21. — Berlin, 1894.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2016/04/08/anisimov>

Reference link:

Anisimov M. Several Russian sieges during the Seven Years' War (1756-63) [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VIII. — P. 107-133. <<http://www.milhist.info/2016/04/08/anisimov>> (08.04.2016).

РУССКИЕ ОСАДЫ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ 1756-1763 гг.

Семилетняя война (1756—1763 гг.) проходила между Англией и Пруссией с одной стороны, и Австрией, Россией, Францией, Швецией – с другой. Российские войска имели перед собой только одного противника – Пруссию Фридриха Великого. Для российской императрицы Елизаветы Петровны эта война была первой общеевропейской войной, в которой участвовала Россия, а русские солдаты сражались против лучшей армии тогдашней Европы. Широко известны сражения, данные российской армией в эту войну, но её действия против прусских крепостей до сих пор не систематизированы. Исключение составляет труд военного историка середины XIX в. Ф.Ф. Ласковского¹, в котором осадам крепостей русской армией в 1725-1762 гг. уделена одна глава. Нельзя сказать, что русские осады в этой войне носят чисто символический характер: как первое, так и последнее действие русской армии в этой войне оказались успешными и привели к капитуляции осаждённых прусских крепостей – Мемеля в 1757 г. и Кольберга в 1761 г. Со времён Ф.Ф. Ласковского появилось много мемуаров участников тех событий, а также стали доступны многие архивные материалы, что даёт возможность заново рассмотреть роль осад в боевых действиях русской армии и их влияние на ход военных кампаний.

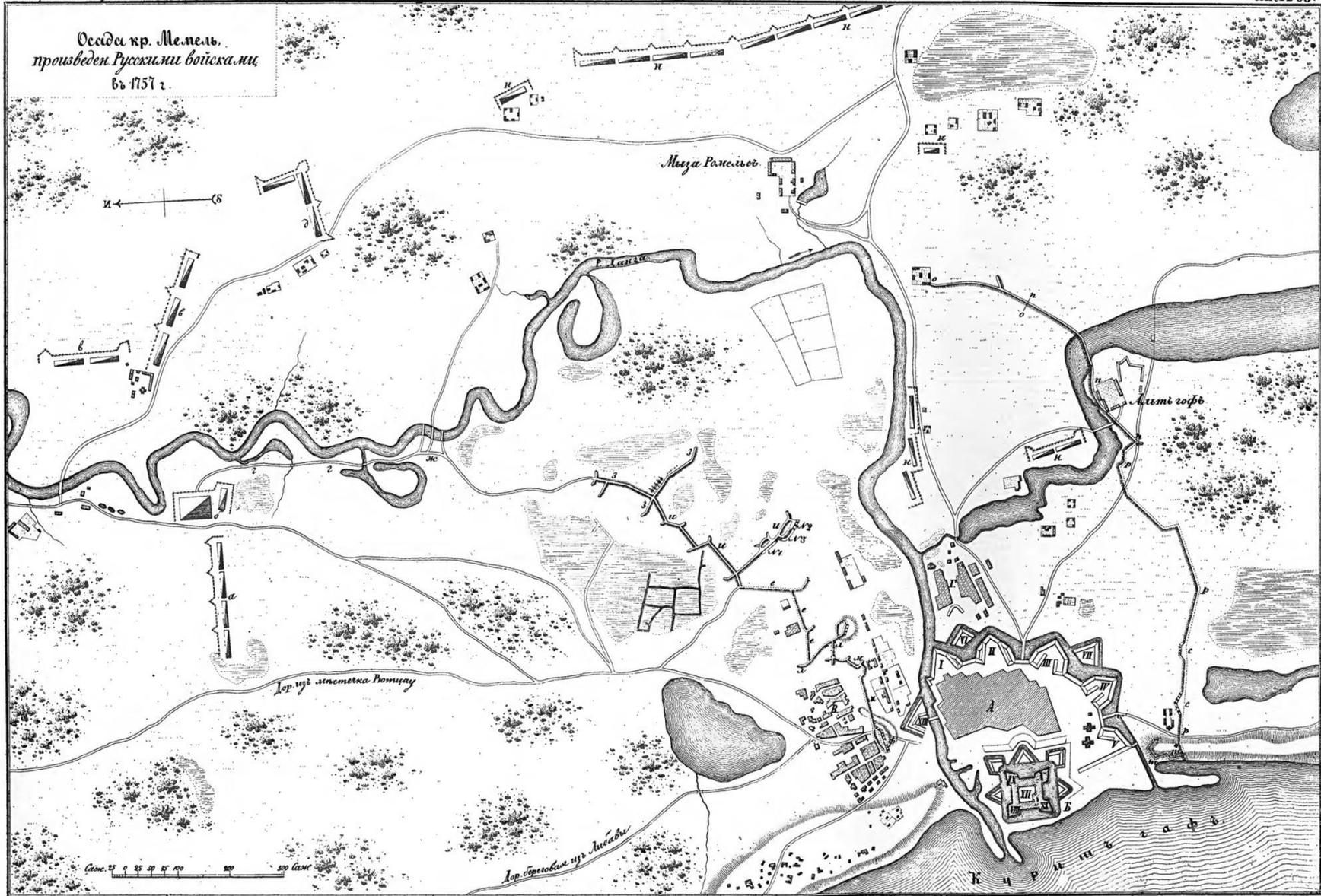
Русская армия начала боевые действия весной 1757 г. вступлением в Восточную Пруссию (тогда она называлась просто Пруссией, или, для различия от всех владений Фридриха II, Королевской или Бранденбургской Пруссией). Первой на пути русских войск лежала прусская крепость Мемель (Клайпеда), своеобразный прусский анклав в Лифляндии, отделенный от основной территории Восточной Пруссии рекой Неман.

Для взятия города был командирован корпус генерал-аншефа В.В. Фермора. Командующий русской армией фельдмаршал С.Ф. Апраксин

торопился и отправил Фермору приказ взять Мемель как можно скорее любыми средствами. Он посчитал, что сил Фермора будет достаточно, по плану его корпус должен был состоять из 27 тысяч человек, но реально он насчитывал лишь 16 тысяч. 7 июня 1757 г.* Апраксин сообщил Фермору, что, по его сведениям, в Мемеле «малый и весьма к обороне недостаточный и неспособный гарнизон»², войск прикрытия вблизи тоже нет. Если же оборона окажется слишком упорной, Фермору следовало дожидаться прибытия осадных орудий. В Мемеле действительно под началом коменданта подполковника Кристофа Эрнста фон Руммеля находилось только 800 человек ландмилиции и 80 орудий.

Фермор, человек осторожный и предусмотрительный, заранее готовился к осаде и тренировал солдат копать осадные апроши. 19 июня русские подошли к Мемелю и стали окапываться, о штурме они не думали. Фермор предложил гарнизону сдаться, но Руммель отказался и сжег предместье. Ночью, освещаемые огнём горящих домов, русские солдаты подвели орудия (4 гаубицы, 5 24-х фунтовых и 5 18-фунтовых орудий, 6 мортир) к крепости и 20 июня, совместно с подошедшей русской эскадрой из 6 кораблей, бомбардировали Мемель³. Несколько раз в крепости возникал пожар, но его успевали погасить. Бомбардировка была продолжена и в следующие дни. 23 июня Руммель запросил разрешения написать командующему прусскими войсками в Восточной Пруссии фельдмаршалу И. фон Левальду о сдаче крепости, но Фермор ему отказал. На следующее утро комендант прислал парламентаря с предложением о сдаче на своих условиях: русские выпускают городские власти, казну, казенное имущество и гарнизон с оружием и воинскими почестями, на что Фермор ответил, что он согласен выпустить только гарнизон с оружием и без почестей. Руммелю ничего не оставалось, как сдать город, и 25 июня он был занят русскими. Условиями капитуляции, к слову, был недоволен фельдмаршал Апраксин, считая, что не следовало отпускать гарнизон с оружием⁴. Также его недовольство вызвало то, что

* Все даты указаны по юлианскому календарю, в XVIII в. «отстававшему» от григорианского на 11 дней.

План осады Мемеля⁵

Фермор не внёс в капитуляцию пункт, позволяющий солдатам и офицерам гарнизона уйти из прусской армии и жить, где они пожелают.

Осада Мемеля стоила русским всего 25 человек убитыми и ранеными. При этом Ф.Ф. Ласковский отмечал, что осадный корпус взял с собой провианта только на 5 дней, и если бы комендант, не знавший об этом, продержался ещё несколько дней, то корпусу, который к тому же не имел главной части приданной ему осадной артиллерии, пришлось бы отойти⁶. Военный историк XIX в. Д.Ф. Масловский считал, что осадные работы вокруг Мемеля были не нужны, а Фермор был чрезмерно осторожен, учитывая, что небольшая крепость с малым гарнизоном не устояла бы против штурма войсками, в 20 раз его превосходившими⁷.

В любом случае отметим, что Фермор избежал большого количества жертв, сумев взять город без особых потерь и, стало быть, действовал оправданно. Следует признать и то, что корпусу Фермора во многом повезло: осада не была подготовлена в достаточной мере, судя по крайне небольшим запасам провианта, и вообще русское командование отправляло осадный корпус больше *надеясь* на успех, чем готовя его. Затем, как увидим, это станет традицией при осадах прусских крепостей в Семилетнюю войну.

По поводу взятия Мемеля австрийская государыня Мария Терезия выразила российскому послу в Вене графу Г.К. Кейзерлингу своё удовольствие, заявив, что такими удачными действиями русских общего неприятеля «скоро принудить можно будет к заключению славного и прочного мира»⁸.

Успех Фермора наверняка повлиял на то, что именно ему было доверено командовать всей российской армией после смещения неожиданно отступившего из Восточной Пруссии фельдмаршала Апраксина.

Заняв зимой 1757/1758 гг. Восточную Пруссию, русская армия стала перебазироваться к театру боевых действий в нейтральную Речь Посполитую, точнее – в Великую Польшу, в район Познани. Вдававшаяся во владения Фридриха II польская территория позволяла вести наступление по трём возможным направлениям – в Померанию, в Бранденбург и в Силезию. В

Польше русская армия столкнулась с проблемами логистики: путь резервов и припасов к ней из занятой русскими Восточной Пруссии был тяжёл и долог. Идеальным вариантом было бы взятие под контроль балтийского порта Гданьск, контролировавшего устье Вислы и находившегося в вассальной зависимости от польской короны. Это позволило бы разгружать русские морские корабли в порту Гданьска и отправлять грузы к армии по Висле на речных судах. Однако Гданьск отказался пустить русские войска, предложения командующего армией генерал-аншефа Фермора силой захватить город были отвергнуты в Петербурге по дипломатическим причинам. Гданьск так и остался неподконтролен русской армии и тем самым не стал жертвой ни штурма, ни осады.

Тем не менее, русской армии нужно было выступать против пруссаков, и только к концу лета Фермор повёл её в направлении Бранденбурга к сильной прусской крепости Кюстрин, лежащей на реке Одер.

Крепость Кюстрин имела выгодное расположение, занимая остров при впадении реки Варты в Одер, ближе к правому, т. е. восточному берегу последней реки. Два пригорода, соединённые с городом мостами, располагались на обоих берегах Одера, при этом восточный берег был сильно заболочен, что серьезно затрудняло действия осаждающих. Участник Семилетней войны, тогдашний прусский лейтенант К.В. фон Притвиц писал в своих мемуарах, что крепость Кюстрин считалась неприступной и в неё свезли ценности со всей округи⁹. В крепости размещались прусские хлебные магазины. Гарнизон города по русским оценкам (точнее, по показаниям пленных) составлял 2000 человек, которыми руководил комендант полковник Шак фон Вутенов. Кроме того, уже после сожжения города к западному берегу Одера в окрестности Кюстрина прибыл прусский корпус генерала графа Кристофа фон Дона.

Фермор, не имея осадной артиллерии, подошёл к городу 2(13) августа 1758 г. Осмотрев укрепления, он решил, что первым делом нужно взять наскоро укрепленный пруссаками Курцфорштадт, пригород на восточном

берегу Одера. Решение о том, что делать с Кюстрином дальше, он предпочёл отложить до взятия пригорода, так как российский генерал не имел сведений о крепости.

Утром 4(15) августа русский отряд генерала Христофора Фёдоровича фон Штофельна в 5000 человек и 16 орудий успешно занял Курцфорштадт, но оборонявший его прусский отряд сумел отойти к крепости под прикрытием стрелков, засевших в домах предместья. Русские потеряли в этом бою 11 убитых и 29 раненых. Штофельн отправил парламентёра в крепость, но тот не был принят.

Ночью русские начали осадные работы, возвели укрепления для батарей, и в 6 утра 5(16) августа началась русская бомбардировка гаубицами. В ней участвовал инженер-майор Матвей Артамонович Муравьёв, который позже писал в своих воспоминаниях, что именно под его началом артиллеристы «начали бросать в город чиненные ядра, и чрез несколько выстрелов трафили в один магазейн, которой был набит сеном, и так сено вскоре загорелось, и сделался великий пожар в городе, которой продолжался три дни»¹¹. Под огнём русской артиллерии город запылал, в огне погибли все городские строения, кроме гарнизонной церкви, находившейся между городскими валами, школы и гауптвахты. Канонада доносилась даже до Франкфурта-на-Одере. Как пишет мемуарист Притвиц, с высот около Франкфурта был виден столб огня над Кюстрином, не говоря уже о клубах дыма¹².

Масштаб пожара, по прусским данным, объяснялся тем, что солдаты гарнизона, в большинстве своем набранные из дезертиров или пленных, в это время вместо тушения начинавшегося пожара бросились грабить дома горожан¹³. Кроме того, комендант города по беспечности не подготовил город к осаде, и большая часть крепостных орудий, которые могли бы затруднить русским обстрел, лежали на земле и не были поставлены на лафеты. Через несколько дней, подойдя к Кюстрину, прусский король Фридрих II выразил коменданту города своё крайнее неудовольствие.

Городские стены не пострадали в огне, артиллерия крепости продолжала стрелять, хотя и вынуждена была в первый день прекратить отвечать русским из-за нестерпимого жара. Во второй день всё сгорело, и артиллерия стреляла со стен без этой помехи. За 2 дня пруссаки выпустили 517 снарядов, русские – 85, при этом пруссаки так не смогли сжечь занятое русскими предместье, а русские сожгли город. Фермор считал свои действия крупным успехом, так как в городе сгорел большой прусский хлебный магазин (600 000 четвертей по оценкам русских военных). Кроме того, солдаты, не имея осадной артиллерии, без осады и каких-либо земляных работ с боем взяли укрепленный пруссаками пригород Кюстрина¹⁴.

В донесении императрице Елизавете Петровне Фермор сообщил, что стены крепости не пострадали и без осадной артиллерии её не взять. Осадные орудия к нему могли доставить только морем в ближайшие порты, но русские не владели ни Гданьском, ни Штеттином, ни Кольбергом. Поэтому генерал сообщил в Петербург о своём решении повести осаду города, блокировав его и отрезав от путей снабжения. Для этой цели он предполагал форсировать Одер и высадить десант на его левом берегу. Фермор рассчитывал, что деморализованный сожжением всего города и своих продовольственных запасов гарнизон Кюстрина долго не выдержит. Пока шла осада, основная русская армия, по плану Фермора, должна была действовать против других бранденбургских городов, возможно, и против Берлина, отвлекая тем самым силы Фридриха II из Силезии.

Прусский король действительно оценил опасность сердцу своих владений и сам с лучшими полками ускоренным маршем двинулся из Силезии к Кюстрину, дабы соединиться с пассивно стоявшим на левом берегу Одера прусским корпусом генерала графа фон Дона.

Узнав о приходе короля в левобережный пригород Кюстрина, Фермор снял осаду и отошёл со всей армией к деревне Цорндорф, где и произошла знаменитая битва.

Войдя в выгоревший Кюстрин, Фридрих II был в ярости, обвиняя русских в неслыханном варварстве и клянясь отомстить. Это вряд ли было искренним – король совсем недавно расстреливал Прагу и пытался поддерживать в городе постоянные пожары. Австрийцы скоро отомстили пруссакам за Прагу, обратив в пепел Цвиттау, так что ничего выходящего из рамок войны под Кюстрином не было. Скорее, король своей показной яростью и жадной мщеньем «настраивал» своих солдат, ибо уже из крепости Кюстрина Фридрих II распорядился сжечь ядрами оставшийся целым пригород города. Как пишет очевидец боя русский офицер М.А. Муравьев: «Король же тогда находился против Цесарии (Австрии – М.А.) в Богемии, а как он в Кистрин прибыл, то с крепости началась чрезвычайная стрельба, по чему мы и узнали, что сам король присутствует. И так жестока, что он, бросая бомбы, не пожалел форштата, и все строение зажег для того, чтоб мы были открыты»¹⁵.

Сожжение Кюстрина потрясло современников. О содрогающемся или кровоточащем сердце при воспоминании о виде города после бомбардировки пишут в мемуарах и лютеранский капеллан русской армии, уроженец Восточной Пруссии пастор Х. Теге¹⁶, и лейтенант прусской армии К.В. фон Притвиц. Последний видел множество горожан, бежавших на ту сторону Одера в одном белье. По свидетельству Теге, большинство жителей Кюстрина всё же спаслись, но многие погибли в огне и развалинах.

Оценивая результаты осады, официальный российский орган руководства военными делами во время войны, Конференция при Высочайшем дворе, посчитала её удачной, ибо русские солдаты произвели устрашающее впечатление на неприятеля храбростью и мужеством, и кроме того, сожгли крупные продовольственные запасы прусской армии¹⁷. Впрочем, никакого влияния на ход войны эти достижения русской армии, естественно, не оказали.

Говоря об итогах осады, следует обратить внимание на определённую бесцельность операции: к Кюстрину русская армия подошла без осадных орудий, всё время осады русские не могли перерезать пути снабжения крепости через противоположный берег, не попытались высадиться на левом берегу, что

вообще-то было сложным делом, учитывая находившийся там прусский корпус генерала фон Дона.

Причины этого заключаются, скорее всего, в самой роли русской армии как вспомогательной для австрийских войск, которые, по планам союзников, должны были стать главной ударной силой коалиции. Пруссаки, судя по неподготовленности коменданта к русской атаке города, тоже были уверены в своей безопасности. В связи с этим российские власти были довольны уже одним лишь тем фактом, что их армия выполнила союзный долг и отвлекла на себя силы Фридриха II, продемонстрировав при этом определённые успехи в маловажном предприятии.

После сражения при Цорндорфе ослабленная российская армия перенесла свои действия в Померанию, где силы пруссаков были слабы. Для операций в Померании русским понадобился прусский порт и крепость Кольберг, чтобы превратить его в свой логистический центр.

Отряду генерал-майора Ивана Пальменбаха было приказано получить в Кольберге припасы и амуницию, присланные из Пиллау для армии, для чего занять город¹⁸. Как заметил мемуарист М.А. Муравьёв, тогдашний помощник квартирмейстера русской армии, «они думали, что Кольберг возьмут казаками»¹⁹. Мемуарист, конечно, преувеличивал, ибо к Кольбергу, помимо кавалерии, было отправлено и 4 пехотных полка. Тем не менее, суть операции отражена Муравьёвым верно: она не была подготовлена, и вписывалась в сценарий прежних действий против крепостей, когда русское командование рассчитывало, в основном, на удачу и на то, что гарнизон не будет сопротивляться. Пальменбах получил приказ предложить коменданту Кольберга сдаться, если он не пожелает этого, то гарнизон можно отпустить из города с честью, взяв обязательство не служить в армии год. При сопротивлении Пальменбах должен был бомбардировать крепость или начать правильную осаду, а после занятия города – сообщить в Кенигсберг, чтобы оттуда выслали военные припасы. Судя по приказу Пальменбаху от Фермора, в руководстве армии были уверены, что проблем с Кольбергом не будет.

Пальменбах получил под начало 6000 человек и 20 орудий (8 3-фунтовых, 6 12-фунтовых орудий и 6 единорогов), содействие флота, по мысли Фермора, ему не требовалось.

23 сентября 1758 г. Пальменбах подошел к Кольбергу. Комендант крепости майор Генрих Сигизмунд фон дер Гейде от переговоров отказался. У него было 700 регулярных солдат и 144 орудия, артиллерийской прислуги только 14 человек, но он быстро восполнил её недостаток из числа местного населения.

Пальменбах и отвечавший в корпусе за осадные работы военный инженер полковник Иван Фридрихович фон Эттингер начали осаду. Без боя русские солдаты заняли предместья Кольберга и стали рыть траншеи. Руководство корпуса очень скоро осознало, что сил для осады недостаточно, прусские укрепления слишком сильны, нет осадной артиллерии и нет поддержки флота. Фермор, узнав об этом, разрешил в крайнем случае снять осаду, и отправил Пальменбаху на помощь ещё 2 полка. Пальменбах, получив разрешение, тут же отступил от города, не дожидаясь подхода помощи, чем вызвал недовольство Эттингера. Встретив подкрепление, ведомое полковником Михаилом Александровичем Яковлевым, Пальменбах вернулся к Кольбергу на следующий день, 29 сентября. В отряде полковника Яковлева был мемуарист секунд-майор князь Юрий Владимирович Долгоруков, будущий генерал. Как он отметил в воспоминаниях: «...наступление наше было слабо, напротив того защита тверда»²⁰.

Русские укрепления и осадные траншеи оказались нетронуты: майор Гейде посчитал отход Пальменбаха ловушкой и не выходил из крепости. Пальменбах за этот отход получил выговор от Фермора, который направил под Кольберг ему в помощь энергичного генерала Х.Ф. Штофельна.

Штофельн вдохнул новые силы в осаждающих, повёл траншеи до самого гласиса крепости и поставил там батареи, не понеся особых потерь. Батареи состояли из полевых орудий, осадных по-прежнему не было, как и ядер для орудий крупных калибров, их подвоз постоянно ожидался. Штофельн тем

временем подобрался траншеями ко рву крепости, решил спустить из него воду и пойти на штурм. Подготовка штурма была в самом разгаре, но тут Пальменбах опять снял осаду по собственной инициативе в ночь с 17(28) на 18(29) октября.

В этот момент главная русская армия, прикрывавшая осадные войска от корпуса генерала фон Дона, отошла на восток из-за проблем с припасами, и небольшой корпус Пальменбаха оказался без прикрытия. Дона действительно собирался двинуться на помощь осаждённому Кольбергу. Сторожевые отряды сообщили Пальменбаху, что против его 7 тысяч человек идут две колонны пруссаков отряда общей численностью до 10 тысяч солдат. Участник осады Долгоруков подтверждает, что Пальменбах отступил из-за слухов о подходе к крепости прусской помощи²². При этом, судя по рапорту Пальменбаха, написанному за несколько часов перед снятием осады, он планировал штурмовать Кольберг в ближайшую ночь²³. Отступив во второй раз, Пальменбах узнал, что авангарды противника тоже отступили к Трептову, а к его корпусу подошла помощь в 500 гусар и 500 казаков. Он созвал военный совет, на котором было принято решение вернуться. 1200 гренадеров под командованием бригадира Г.Г. Берга были отправлены занять укрепления снова, в их числе был Долгоруков.

Новые подкрепления довели численность корпуса Пальменбаха до 10 тысяч человек, кроме того, на кольбергский рейд из Пиллау вышло и какое-то русское транспортное судно с военными припасами (к сожалению, неизвестно его описание). Однако на военном совете генералы корпуса решили всё же продолжить отход и не возвращаться, ибо получили разрешение Фермора, считавшего по первым донесениям, что корпус Пальменбаха уже снял осаду и движется к нему на соединение. Утром прусский гарнизон впервые сделал вылазку, свидетелем которой был состоявший в русском арьергарде Юрий Долгоруков²⁴, но она была легко отбита, и русские в порядке отошли от города.

Уход русских от Кольберга вызвал в столице союзной России Франции, по словам русских дипломатов, «великое поношение». Даже обычно

деликатный глава французской дипломатии аббат де Берни был этим удивлён и в «конфиденции» говорил русскому послу М. Бестужеву-Рюмину, что или русские командиры ничего не умеют, или это отступление имеет какие-то скрытые причины. По мысли Берни, Елизавета Петровна стойка в своём стремлении продолжать войну, русские солдаты храбры, но командующие русской армией ведут себя очень странно²⁵.

Действительно, с Берни можно согласиться: вина за неудачу при первой осаде Кольберга лежит именно на русских генералах. Судя по постоянным метаниям Пальменбаха, никаких скрытых причин у этого провала не было. Скорее, генерал просто не знал, что делать в ситуации, когда приказ уверял его, что никаких сложностей с занятием города не будет, а на деле вышло иначе – гарнизон отказался сдаваться, главная русская армия не могла обеспечить безопасность осадного корпуса от полевых прусских войск, а сам корпус не имел с собой ничего, что могло бы заставить город сдаться. Мы снова можем сказать, что причиной неудачной осады стала недооценка русским командованием, прежде всего, самой решимости пруссаков сражаться.

Из-за фиаско с осадой Кольберга, вся русская армия, потеряв надежду на снабжение морским путём через этот порт, покинула Померанию и двинулась на зимние квартиры в Польшу, где могла получить всё необходимое. Пруссаки, увидев уход русских, отозвали основные силы корпуса Дона в Силезию, там австрийцам только что удалось нанести серьёзное поражение Фридриху II в сражении у Хохкирха. Австрийцы не смогли воспользоваться плодами этой победы в том числе и из-за того, что пруссаки подтянули новые силы (освободившиеся в Померании и Ноймарке после ухода русской армии) в Силезию вместо того, чтобы оставить их в Померании. Неудачная, плохо подготовленная осада напрямую повлияла на ход войны.

Кампания 1759 г., славная для русской армии сражением при Пальциге и разгромом Фридриха II при Кунерсдорфе, обошлась без русских осад.

Только в 1760 г., осознав, что полевые кампании не могут принести долгожданной победы над Фридрихом II, петербургская Конференция решила

вернуться к прежнему плану и овладеть Кольбергом, чтобы закрепиться в Померании. На этот раз Конференция разработала план операций самостоятельно, без опоры на генералов воюющей армии. Взятие Кольберга было поручено флоту.

До этого российский флот каждое лето находился в море в полной боеготовности, ожидая возможного входа английской эскадры в Балтику для оказания помощи Фридриху II, у которого не было военных кораблей. В 1760 г. стало ясно, что англичане так и не отправят свои корабли к прусским берегам, и русский флот при содействии союзного шведского флота мог принять участие в операциях против пруссаков на суше.

Руководил операцией командующий Балтийским флотом 76-летний адмирал Захар Данилович Мишуков. Флот вёз с собой пятитысячный десант под командованием обер-цейхмейстера Ивана Васильевича Демидова (должность начальника морской артиллерии, равнозначная контр-адмиралу) и осадную артиллерию. Флот долго готовился и только 25 июля (5 августа) 1760 г. вышел в море. 21 линейный корабль, 3 фрегата и 3 бомбардирских судна, не считая галиотов с артиллерией и припасами, прибыли к Кольбергу 15(26) августа. По суше к Кольбергу были отправлены 500 кавалеристов, и только 11(22) сентября за ними вышел 11-тысячный отряд генерала Петра Ивановича Олица.

Под обстрелом прусских береговых батарей моряки промерили глубины, а 17(28) августа подошли к берегу, начали бомбардировку крепости и высадили десант в 5 верстах от города. Бомбардировка особых результатов не имела, пожары в крепости успевали тушить.

19(30) августа подошла шведская эскадра в составе 7 линейных кораблей и одного бота. Бомбардировка береговых батарей и городских укреплений была усилена, но налетевший 21 августа шторм вынудил флот отойти в море. При шторме были потеряны 3 пушки, погибло 45 человек, несколько десантных лодок было выброшено на берег. Флот вернулся только через 6 дней, но и без него ранее высаженный десант продолжил осадные работы и подвел батареи

вплотную к крепости, сумев захватить укрепления порта, где 29 пруссаков были взяты в плен.

7 сентября осаждающие решили окончательно сломить сопротивление гарнизона, открыв по крепости усиленный огонь со всех сторон - с моря и с суши. В этот момент на помощь к крепости стремительно подошёл прусский генерал-майор Пауль фон Вернер с 3-4 тысячами солдат. Он сбил караул и прямым маршем мимо растерянных осаждающих проследовал в крепость.

Русский флот, забрав десант, ретировался. Погрузившись на суда, на военном совете русские решили снять осаду, так как войск для ее продолжения в тех обстоятельствах было явно недостаточно, десант мог быть отрезан от флота, учитывая наступление осени и приход новых штормов.

Пруссаки в честь своего успеха выбили медаль для коменданта крепости полковника Г.С. фон дер Гейде и генерал-майора Вернера, как защитнику и избавителю Кольберга соответственно.

В Петербурге результаты миссии адмирала Мишукова расценили как полное фиаско. Российское правительство впервые сообщило подробности неудачной осады своим дипломатам в европейских столицах, в том числе и обстоятельства снятия осады, которые могли повредить репутации военных. Разъясняя причины неудачи, в циркулярном рескрипте от 5(16) октября 1760 г. русский двор сетовал как на недооценку противника (Кольберг изначально планировалась брать, сделав упор не на военную силу осадного корпуса, а лишь на мастерство инженеров и артиллеристов), так и на необученность новобранцев, которые и составляли десант. Несмотря на это, новобранцы, высадившись, сумели захватить гавань Кольберга и пленить её защитников вместе с орудиями, после чего началась осада самого города-крепости. По сообщениям перебежчиков из города, если бы русские продолжили обстрел Кольберга в течение двух ближайших дней, город бы сдался – горожане уже просили коменданта капитулировать и тем избавить их от невзгод осады. Однако именно в этот момент к городу подошёл посланный Фридрихом II корпус Вернера. Атаковав беспечный русский отводной караул, Вернер пленил

безоружными часть его солдат, остальные же вместе с командиром стремительно бежали в основной лагерь и подняли там панику. Вся армия, в том числе и офицеры, услышав, что на них идёт огромное прусское войско, бросились к кораблям, в результате чего многие солдаты утонули. Пока русские, бросив пушки, грузились на суда, Вернер, не атакуя русский лагерь, вошёл в город, но, понимая, что у него мало солдат и продовольствия и не желая оказаться запертым, вышел из Кольберга через другие ворота и встал в безопасном месте. Во время погрузки на суда генерал Вернер попытался атаковать десант, но был отбит, при этом русским пришлось взорвать выгруженные на берег орудийные припасы. Отметим, что в дипломатическом рескрипте в посольства за границей об этом бое не написано вообще. В Петербурге этот эпизод, если он и был, точно не посчитали достойным внимания.

Обидное поражение заставило Петербург желать реванша. В рескрипте к послу в Вене русский двор пообещал, что нанесет пруссакам удар, который затмит неудачу у Кольберга²⁶. Этим реваншем должен был стать успешный кратковременный захват прусской столицы – Берлина.

По возвращении из Кольберга руководство экспедиции было отдано под трибунал. Адмирал Мишуков, любимец Елизаветы Петровны, отделался лишь снятием с поста командующего флотом, обер-цейхмейстер Демидов за панику при погрузке на суда был приговорён к разжалованию в солдаты, контр-адмирал С.И. Мордвинов был оштрафован на годовое жалование, майор А. Марин был приговорён к расстрелу за пьянство и самовольную отлучку с поста (впрочем, смертные приговоры при Елизавете Петровне в действие не приводились, а заменялись ссылкой или каторгой), а лейтенант Е. Северицын – к разжалованию в солдаты. Суд завершился уже в правление Екатерины II, которая поставила точку в этом деле, помиловав виновных 18 декабря 1763 г. в честь наступающего Рождества Христова²⁷.

Причины новой неудачи под Кольбергом характеризовались одинаково как петербургским двором в рескрипте к русским дипломатам за границей, так

и военными историками: недооценка противника. Ф.Ф. Ласковский упрекал русское командование в том, что оно даже после опыта первой неудачной осады не учитывало ни сложность местности (во вторую осаду осаждающие так и не смогли изолировать крепость от путей снабжения), ни силу самой крепости²⁸.

В ту же кампанию 1760 г. генеральная российская армия, оперировавшая в Силезии, хотела в сентябре 1760 г. взять крепость Глогау. Австрийцы обещали дать русским союзникам осадную артиллерию (которая армия не взяла с собой и на этот раз) и прикрыть осаду своим корпусом. Однако отношения между командующими армиями не сложились, стороны помогали друг другу без особого рвения. В итоге австрийцы заявили, что подвезти осадные орудия к Глогау невозможно, об осаде больше не напоминали, а русское командование и не настаивало. Тем не менее, армия должна была что-то делать, и русские генералы задумали взять Глогау своими силами, используя обычные полевые орудия. Однако при осмотре крепости от этого намерения отказались, так как оценили силу крепости, малочисленность полевых орудий и общую нехватку орудийных снарядов. Опасаясь очередной неудачи у прусской крепости, командование решило не подрывать престиж русской армии в Европе и Глогау не осаждать. Дополнительным аргументом стало опасение растратить при осаде орудийные запасы, которые могли бы понадобиться в случае столкновения с прусской армией в поле²⁹.

Кампанию следующего, 1761 г. Петербург решил начать новым подступом к оставленному осенью Кольбергу. 7(18) мая 1761 г. была подготовлена инструкция для нового командующего осадным корпусом 36-летнего генерал-поручика графа Петра Александровича Румянцева, одного из самых талантливых и энергичных русских генералов. Командующий русской армией фельдмаршал Александр Борисович Бутурлин сообщал Румянцеву, что теперь он будет подчиняться напрямую петербургской Конференции. Кольберг признавался настолько важным пунктом для исхода войны, что Румянцеву, в крайнем случае, разрешалось согласиться на выход из крепости гарнизона с

оружием и даже со знамёнами в Штеттин³⁰. Кроме взятия Кольберга Румянцеву была поставлена задача одновременно прикрывать русские военные магазины в Польше, ибо вся армия уходила, а оставлять там для защиты магазинов отдельный крупный корпус было бы нерационально³¹. Если прусского корпуса у крепости Кольберг не окажется, то, как уверяла Конференция, город можно будет взять за неделю, если же прусский корпус будет прикрывать город, то Румянцеву следовало отойти и принять десант с русских кораблей в ином месте³². В Петербурге считали, что прусский корпус не сможет долго стоять у Кольберга и будет вынужден отступить.

Румянцеву отдавался под командование корпус в 15 тысяч солдат (пехоты, конницы и артиллерии), который собирался под его начало по частям (15 мая Румянцев доложил, что выступил к Кольбергу только с 9 тысячами³³). Корпус поддерживался русским флотом: последний должен был доставить ещё 7 тысяч человек и осадные орудия. Взятие Кольберга рассматривалось уже как вопрос чести русской армии.

Фридрих II тоже понял, что русские в 1761 г. захотят исправить неудачи прошлого года и снова придут осаждать Кольберг. Поэтому ещё ранней весной он дал поручение действовавшему в Бранденбурге 12-тысячному корпусу принца Вюртембергского отправиться в Померанию и расположиться у Кольберга, приведя его укрепления в повышенную боеготовность. 21 мая принц Вюртембергский подошел к Кольбергу, разбил лагерь у его стен и приступил к возведению укреплений³⁴. Времени у гарнизона и солдат принца Вюртембергского было много – в течение двух месяцев Румянцев собирал силы в отдалении от Кольберга, и пруссаки построили у городских стен фактически ещё одну полевую крепость с валами, рвами, волчьими ямами. Русский десант с осадными орудиями, высадившись в Рюгенвальде, соединился с осадным корпусом Румянцева только в начале августа 1761 г. по новому стилю.

Тем временем на конференции с союзными дипломатами в Париже французский госсекретарь герцог де Шуазель сообщил, что кампания, как и в прошлые годы, снова провалена, и ни французской, ни австрийской, ни русской

армии так и не удалось ничего добиться, равно как и русскому корпусу, осаждающему Кольберг. По сведениям французского министра, русский флот был вынужден отступить от Кольберга из-за шторма, а сухопутной армии не хватает фуража и продовольствия. Русский посол П.Г. Чернышев ответил, что пока никаких известий подобного рода из России он не получал.

Осада Кольберга действительно продолжалась. Румянцев отправил отдельные части прикрывать главные силы от возможных атак прусских подкреплений, а сам двинулся к расположенному у городских стен лагерю принца Вюртембергского. 13 августа к Кольбергу подошёл флот и вступил в дуэли с береговыми батареями. Особого успеха морские канониры не добились, так как лагерь и крепость находились на некотором удалении от моря, а прусские батареи, усиленные мощными орудиями, вынуждали суда держаться подальше от берега.

В сентябре русские сбили пруссаков с высот, прикрывавших лагерь. Неудачей закончилась и попытка прошлогоднего освободителя Кольберга генерала Вернера ударить по тылам осадного корпуса русских. Корпус Вернера численностью в 2300 человек был разбит, а сам генерал попал в плен. Подробности боя есть в рапортах в сборнике документов под редакцией Н.М. Коробкова «Семилетняя война...». Русские узнали, что Вернер с 2 тыс. кавалерии, 3 сотнями пехотинцев и с 2 пушками двинулся к Трептову, против него Румянцев отправил 1000 драгун, 300 гусар, 600 казаков, 2 батальона гренадеров с их артиллерией под командованием полковника Бибикова. Бибиков встретил Вернера и разбил. Отнял пушки, взял более 500 пленных, а один из казаков захватил самого Вернера.

Русские в это время, к слову, тоже потеряли одного генерала – смертельное ранение пулей при очередной попытке штурма прусского укрепленного лагеря получил генерал-поручик князь Фёдор Сергеевич Долгоруков.

Осаждённые пруссаки потеряли много людей, испытывали нехватку боеприпасов и продовольствия. Однако одно обстоятельство помешало

прекратить сражение за Кольберг. На померанском театре боёв появился новый прусский корпус генерал-лейтенанта Д. фон Платена. Король Фридрих II отправил его из Силезии на помощь осаждённому Кольбергу. Корпус при выходе насчитывал 8 тысяч человек, прошёл с боями через Польшу, разорив некоторые русские склады около Познани и потеряв в рейде от двух до трёх тысяч человек. Тем не менее, попытки русских задержать Платена успеха не имели, он прорвался и вступил в укреплённый лагерь принца Вюртембергского, увеличив его силы до 15 тысяч человек.

В связи с этим петербургская Конференция решила снять осаду, к этой мысли пришли и некоторые военачальники в самом осадном корпусе. Даже Румянцев колебался с решением. Корпус Платена, впрочем, не привёз с собой продовольственных запасов или оружейных зарядов и стал стеснять своих осаждённых товарищей, потому принц Вюртембергский отправил его (в составе 6 тысяч человек) прикрывать пути снабжения Кольберга со Штеттином.

Но в этот момент русские сумели изменить положение в свою пользу. Преследовавший Платена русский кавалерийский корпус энергичного генерала Густава Густавовича Берга продолжил боевые действия и добился успехов, перерезав сообщение Кольберга со Штеттином и взяв в плен отряд прусского полковника Курбиера численностью в 1000 человек. Платену пришлось отойти ещё дальше от Кольберга, и он попал в тиски между несколькими русскими крупными отрядами. 13(24) октября в Трептове Платен потерял пленными отряд генерал-майора Кноблоха (1900 чел.) и отступил к Штеттину. Некоторые подробности этих боев есть в небольшой автобиографии А.В. Суворова, в то время – подполковника и командира Тверского драгунского полка³⁵. Следствием успехов русских стала изоляция прусской крепости и лагеря от источников снабжения.

В октябре осада продолжалась уже без русского флота, ушедшего зимовать в свои порты. В конце октября завершила кампанию в Силезии генеральная русская армия фельдмаршала А.Б. Бутурлина, вновь отошедшая на

зимние квартиры в Польшу. В связи с завершением операций корпус Румянцева получил от Бутурлина подкрепления и увеличился до 40 тыс. человек.

3(14) ноября корпус принца Вюртембергского, истощив запасы продовольствия, оставил гарнизон Кольберга с месячным запасом еды, вышел из укрепленного лагеря, сумел ускользнуть из русского окружения и соединиться с Платеном. Румянцев тут же приказал занять оставленный лагерь и приступить к непосредственной осаде города. Войска повели осадные работы, взяли отдельные укрепления, форштадты и подошли к гласису крепости. 15(26) ноября землю покрыл снег, начались сильные морозы. 19(30) ноября Конференция сообщила Румянцеву, что за поздним временем осаду уже можно снять и расположиться на зиму в Померании³⁶. В это же время, 21 ноября (2 декабря) командир корпуса доложил, что, несмотря ни на что, продолжит осаду до победы, так как знает: осажденные уже испытывают голод и надеются только на то, что из-за наступления зимы русские уйдут. Румянцев разместил осадный корпус на зимние квартиры в окрестностях Кольберга.

1(12) декабря соединенные силы принца Вюртембергского и генерала Платена попытались прорваться к Кольбергу с обозом продовольствия, но не смогли этого сделать и отступили. Эта попытка спасти крепость была для пруссаков последней.

Ещё 29 ноября (10 декабря) в стенах крепости осаждающие пробили брешь, а после отхода принца Вюртембергского Румянцев отправил коменданту полковнику фон дер Гейде последнее предложение сдать крепость, отмечая, что прусский король сделал для города всё, что мог, но успеха не добился, а комендант отвечает за горожан перед Богом. Гейде ответил, что готов сдаться, и действительно 5(16) декабря гарнизон капитулировал. На условиях Румянцева пленными стали 3 тысячи человек.

Фридрих II 23 ноября 1761 г. писал своему военачальнику принцу Вюртембергскому, приказывая ему во что бы то ни стало прорваться к Кольбергу и доставить продовольствие: «Я не могу потерять этот город, который слишком важен для меня, и если он из-за недостатка продовольствия

попадёт в руки неприятеля, то это будет одна из самых значительных бед для меня»³⁷.

Корпус Румянцева, овладев Померанией, разместился в Кольберге и близлежащих городах и был готов весной 1762 г. двинуться с основной русской армией в сердце владений Фридриха II – Бранденбург. Взятие русскими Кольберга означало также и то, что теперь русская армия сможет получать продовольствие, фураж и подкрепления, которые русский флот морским путём будет доставлять в гавань Кольберга прямо к театру военных действий.

Но, как известно, 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) скончалась российская императрица Елизавета Петровна, и новый император Пётр III, чьим кумиром был Фридрих II, прекратил войну с ним без всяких условий, вернув занятые русскими территории, и взятие Кольберга не имело последствий в военном смысле.

Оценивая масштабную операцию по взятию Кольберга в кампанию 1761 г. русский военный историк Ф.Ф. Ласковский признавал всю трудность боевых действий: крепость прикрывал сильный прусский полевой корпус, находящийся в укрепленном лагере у городских стен. Для овладения Кольбергом было необходимо, прежде всего, нейтрализовать корпус прикрытия. Для этого, как и для взятия крепости, существовало два пути – штурм укрепленного лагеря и разгром корпуса, или же планомерная осада лагеря в надежде на то, что из-за голода и нехватки боеприпасов корпус либо уйдёт, либо сложит оружие. Румянцев предпочёл второй вариант, и Ласковский осуждал генерала, считая, что постоянный натиск на укрепленный лагерь сделал бы Кольбергскую операцию куда менее длительной³⁸.

Подводя итоги операций русской армии против прусских крепостей в Семилетнюю войну, следует признать, что они были своеобразным отражением пассивности и чрезмерной осторожности самой армии и в полевых кампаниях. Русская армия ни разу не была атакующей стороной в сражениях, одерживая свои громкие победы в качестве стороны, подвергнувшейся атаке. Выявившаяся пассивность русских генералов во многом была следствием

недооценки боевых возможностей русских солдат, страхом перед прусской армией и общей слабостью неопытного командного состава. При этом следует отметить, что как командование русской армии, так и политическое руководство в Петербурге, признавая силу прусской армии Фридриха II, недооценивали и силу сопротивления прусских крепостных гарнизонов, и мощь крепостных укреплений, что и привело к двум первым неудачам у Кольберга: генералы надеялись напугать прусский гарнизон только бомбардировкой из полевых орудий и так заставить его сдаться.

Кроме того, одной из причин неудач является и удалённость русской армии от своих баз, из-за чего столь необходимая в операциях против крепостей осадная артиллерия зачастую так и не появлялась у их стен. Неудивительно, что даже склонный превозносить русскую армию в Семилетнюю войну русский военный историк Д.Ф. Масловский описал осадную артиллерию как род войск, не получивший никакого развития в годы войны и так и оставшийся неорганизованным и не приспособленным к дальним перемещениям грузом³⁹.

Как показали события, первоначально намечавшиеся как отвлекающие удары, осады русской армией прусских крепостей в дальнейшем приобрели высокую самоценность. Если бы подход к операциям со стороны осаждающих был более активным и продуманным, то овладение Кольбергом позволило бы русской армии остаться на зимние квартиры на территории противника ещё в 1758 г. и начать кампанию следующего года ранней весной совместно с союзниками. Но осада не завершилась успехом ни в 1758, ни в 1760 гг., и русская армия, вынужденная приходить из Польши, оказывалась на театре боёв только ко второй половине лета. Взятие Кольберга в начале зимы 1761/1762 гг. наконец позволило русской армии добиться своих целей: создать логистическую базу в Померании, лишить Фридриха II возможности собирать налоги и рекрутов с этой провинции и подготовиться весной повести наступление прямо на Бранденбург, но из-за смерти императрицы Елизаветы Петровны эти планы не были реализованы. В целом прусские крепости внесли

весомый вклад в способность государства Фридриха II выстоять в Семилетней войне.

¹ Ласковский Ф.Ф. [Материалы для истории инженерного искусства в России](#). — СПб., 1865. — Ч. 3.

² [Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг.](#) / Под ред. Н.М. Коробкова. — М., 1948. — С. 154.

³ Там же. — С. 134.

⁴ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. — М., 1886. — Т.1. — С. 209-215.

[Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг.](#) / Под ред. Н.М. Коробкова. — М., 1948. — С. 165.

⁵ Ласковский Ф.Ф. [Карты, планы, чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России](#). — СПб., 1866. — Л. 68.

⁶ Ласковский Ф.Ф. [Материалы для истории инженерного искусства в России](#). — СПб., 1865. — Ч.3. — С.491-492.

⁷ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. — М., 1886. — Т.1. — С.217.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). Ф. 32, Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1757 г. Д. 7а. Л. 55 об. (Реляции и письма посла Г.К. Кейзерлинга).

⁹ Prittwitz C.W. von. «Ich bin ein Preuße...». Jugend und Kriegsleben eines preußischen Offiziers im Siebenjährigen Krieg. — Paderborn, 1989. — S. 87.

¹⁰ Ласковский Ф.Ф. [Карты, планы, чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России](#). — СПб., 1866. — Л. 69.

¹¹ Записки М.А. Муравьева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. — 1994. — Т. V. — С. 43.

¹² Prittwitz C.W. von. «Ich bin ein Preuße...». Jugend und Kriegsleben eines preußischen Offiziers im Siebenjährigen Krieg. — Paderborn, 1989. — S. 87.

¹³ Ласковский Ф.Ф. [Материалы для истории инженерного искусства в России](#).

— СПб., 1865. — Ч. 3. — С. 510.

¹⁴ [Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг.](#) / Под ред. Н.М. Коробкова. — М., 1948. — С. 327.

¹⁵ Записки М.А. Муравьева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. — 1994. — Т. V. — С. 43-44.

¹⁶ [К истории Семилетней войны. Записки пастора Теге](#) // Русский Архив. — 1864. — № 11-12. — Стб. 1119.

¹⁷ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. — М., 1888. — Т. 2. — С. 224.

¹⁸ [Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг.](#) / Под ред. Н.М. Коробкова. — М., 1948. — С. 347.

¹⁹ Записки М.А. Муравьева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. — 1994. — Т. V. — С. 46.

²⁰ Отрывки из записок князя Юрия Владимировича Долгорукова // Сказания о роде князей Долгоруковых. — СПб., 1840. — С. 290.

²¹ Ласковский Ф.Ф. [Карты, планы, чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России.](#) — СПб., 1866. — Л. 70.

²² Отрывки из записок князя Юрия Владимировича Долгорукова // Сказания о роде князей Долгоруковых. — СПб., 1840. — С. 290.

²³ [Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг.](#) / Под ред. Н.М. Коробкова. — М., 1948. — С. 370.

²⁴ Отрывки из записок князя Юрия Владимировича Долгорукова // Сказания о роде князей Долгоруковых. — СПб., 1840. — С. 291.

²⁵ АВПРИ. Ф.93. Оп.1. 1758 г. Д. 4. Л.168-169. (Реляции посла М.П. Бестужева-Рюмина).

²⁶ АВПРИ. Ф.32. Оп. 1. 1760 г. Д. 3. Л. 124-126 об. (Отпуски рескриптов к послу Г.К. Кейзерлингу).

²⁷ Ко 2-й Кольбергской экспедиции. Документы расследования 1763 г. // Русская Старина. — 1908. — Т. 133. — С. 645-653; — Т. 134. — С. 177-184.

-
- ²⁸ Ласковский Ф.Ф. [Материалы для истории инженерного искусства в России.](#) — СПб., 1865. — Ч. 3. — С. 560.
- ²⁹ [Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг.](#) / Под ред. Н.М. Коробкова. — М., 1948. — С. 657-658.
- ³⁰ Там же. — С. 731.
- ³¹ Там же. — С. 743-744.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. — С. 741.
- ³⁴ Ласковский Ф.Ф. [Материалы для истории инженерного искусства в России.](#) — СПб., 1865. — Ч. 3. — С. 562.
- ³⁵ Биография А.В. Суворова, им самим написанная // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. — 1848. — № 9. — С. 537-540.
- ³⁶ [Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756-1762 гг.](#) / Под ред. Н.М. Коробкова. — М., 1948. — С. 799.
- ³⁷ Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen. B.21. — Berlin, 1894. — S. 90.
- ³⁸ Ласковский Ф.Ф. [Материалы для истории инженерного искусства в России.](#) — СПб., 1865. — Ч. 3. — С. 614, 616.
- ³⁹ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. — М., 1891. — Т. 3. — С. 559.